

СВѢТОЧЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ Д. И. КАЛИНОВСКИМЪ

Книжка IV

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Д. КАЛИНОВСКАГО

1861

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Бѣда! колокола отовсюду зазвонили...
И, Боже мой, я голову теряю!
Весна коварная, хорошенькіе глазки
Опять противъ меня взбунтуются, я знаю!

Весна коварная, хорошенькіе глазки
Союзъ противъ меня навѣрно заключили!
Пари держу, что розы съ соловьями
Въ ихъ общество давно уже вступили.

В. ВЕРГЪ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ МИНУВШАГО НАШЕЙ ГУБЕРНІИ

«То старина—и то дѣянье».

I.

БАРСКАЯ ВОЛЯ.

1.

Риша (т. е. Орина) родилась и выросла въ небольшой семьѣ, да въ большой избѣ. Отецъ ея былъ оброчный крестьянинъ господъ Куклевановыхъ и числился у баръ самымъ зажиточнымъ между крестьянами деревни Почки, вѣроятно потому, что былъ всѣхъ исправнѣе передъ ними. Недоимокъ за нимъ никогда не бывало; барскія приказанія онъ исполнялъ безъотвѣтно, по первому слову старосты, а потому всегда приплачивалъ лишка противъ другихъ: получить, бывало, приказаніе, побряхтитъ, почешетъ плѣшивую голову, погладить сивую бороду — «не-ча дѣлать, — господская воля — стало быть надѣть ей почетъ отдать!»

— Эхъ ты, Семень-Простота! говаривали ему сосѣди, — что ты имъ въ зубы-то смотришь? Отдавай кажиному слову ихъ почетъ, такъ и житья nebudeтъ, бери суму, да иди по міру собирать! Ты-бы по нашински — лишки-то припрятывалъ, оброкъ-то недоплачивалъ: на нѣтъ, мошь, и суда нѣтъ! — анъ смотришь — и спросу на тебѣ меньше будетъ!» Да не таковъ былъ нашъ Семень-простота, чтобы излишки прятать: «съ голоду, мошь, не умремъ! Миѣ, старику,

не много надѣть, не сегодня — такъ завтра на тотъ свѣтъ позовутъ, а семья не велика: сынъ, Мишуха, парень на возрастъ, самъ себѣ копѣйку зашибаетъ, шалушекъ за нимъ, пьянства али разгула какого, не видать, смѣтка въ головѣ есть, руки работающія.... слава Царю Небесному — не обдѣлили Господь супротивъ другихъ! Риша тоже дѣвка смиренная, не гулящая, съ лица король-дѣвка, на работу падкая. Господь поможетъ пристроить за хорошаго человѣка — вотъ она и отрѣзанный ломоть! Значить не дѣлача отъ господской воли сторониться, не дѣлача и грѣхъ на душу брать! И господа тоже по заслугамъ теперича воздадутъ, може нужда какая до нихъ доведется».

И точно, Риша выросла красавица писаная, какъ-вы бываютъ русскія деревенскія красавицы: большія очи соколиныя, черныя брови, щеки — что маковъ цвѣтъ, губки малиновыя — словно земляника, походка плавная, лебединая, да къ тому-же и правомъ, и рѣчами разумными — всѣмъ взяла Риша! Не налюбуется на дочку Семень-Простота, не нахвалится и частенько задумывается: «какую-то долю пошлетъ ей Господь? за кого-то ей выйти на роду написано? Не надо ни богатаго, ни знатнаго — былъ-бы честный да работающій, да изъ своей деревни, — въ чужую деревню жаль отдавать, разлуки не перенести! Оно, конечно, — барская воля, господа вольны отдать за кого во снѣ приснится, — ну да теперь, значить, и баре за-добренны, притѣснить исправнаго мужика не захотятъ, — не даромъ-ста до-сихъ-поръ всякое удовольствіе видѣли, ни въ чемъ отказу имъ, значить, не было!»

Такъ-то думаль-гадаль нашъ Семень о своей дочкѣ и крестился, подымая глаза на иконы. Понятно, что и Риша, выросши въ своей Почкѣ, подъ родною

кровлю, не имѣла ни малѣйшаго стремленія высе-
латься вонъ изъ нея; привычка составляла основную
силу ея незатронутой развитіемъ натуры: привыкла
она къ старику-отцу, его мягкому, хотя и недопу-
скающему противорѣчія, самовластію, привыкла къ
уединенной почкинской жизни, всторонѣ отъ боль-
шихъ дорогъ, отъ судоходныхъ рѣкъ и отъ всякой
суеты, нарушающей патріархальность деревенской
жизни, вносящей въ нее извѣстныя замашки промыш-
ленной цивилизаціи; привыкла къ своимъ подругамъ,
даже къ сосѣдямъ, и между ними къ молодому, сте-
пенному Капитону-Приплекту, названному такъ по-
тому, что мать родила его во время сѣнокоса на при-
плекѣ рѣчки Почки; привыкла смотрѣть на Капито-
на, какъ на будущаго своего сожителя, потому-что и
Семень-Простота, и отецъ Приплекси задумывали по-
женить своихъ дѣтей, да и они полюбились другъ
другу. Почему-же было и не слюбиться имъ? Оба
другъ друга стоили. Степенный Приплектокъ и не
одной Ришѣ по вкусу приходился, да ему-то полю-
билась одна только Риша. «Что не женишься-то?»
говаривали ему дѣвки: «въ монахи что-ль угодить хо-
чешь! Дѣвки, а дѣвки, — вонъ Приплектокъ въ монахи
хочетъ, клобукъ — слышь сторговаль.»

— Помысленной нѣтъ! — отвѣчалъ Капитонъ и
шелъ къ работѣ, потому-что баклуши бить не лю-
билъ.

«Вишь какой просужій! продолжали дѣвки между
собой: и побалывать съ нами не хочетъ!» — Что пе-
ребивать-то съ нами, — вишь онъ за работу, — экой
золотой парень! — «Что это въправду, дѣвки, онъ не
женится: разборчивъ больно!» — «Слышь — говорить —
помысленной нѣтъ!» — «Вретъ онъ, зелье, прикиды-
вается тихоней, знать ужъ, матушка, есть: въ тихомъ
омутѣ чертей-то больше!»

И точно, Припместокъ долго оставался холостымъ, вопреки обычаямъ своей стороны: ему стукнуло за двадцать пять, а по преданьямъ Почки, коли парень не женится до двадцати шести, такъ на двадцать седьмомъ съ кругу сохнетъ. Значить Капитонъ переживалъ роковой годъ.

2.

Прѣхалъ передъ Петровымъ днемъ въ Почку староста господъ Куклевановыхъ за оброкомъ и съ барскими приказаніями: у нихъ былъ одинъ староста для всѣхъ деревень. На встрѣчу ему высыпало все населеніе Почки: «здорово, молю, Егоръ Ивановичъ! Милости просимъ! Что хорошенькаго привезъ?» Егоръ Ивановичъ произноситъ покровительственное «здорово», гладитъ свою клинообразную бородку и съ важнымъ видомъ, какой причествуетъ сильнымъ міра сего, подъѣзжаетъ къ избѣ своего родственника, гдѣ всегда останавливается. Новыя вѣсти не радостны — прибавка оброку по такимъ-то и такимъ-то причинамъ, приказъ о новыхъ поборахъ натурою, строгое требованіе недоимокъ, а затѣмъ разныя частныя распоряженія. Горчайшее изъ этихъ частныхъ распоряженій пало на долю Семена-Простоты: приказали барре немедленно со старостой представить въ городъ, на барскій дворъ, дочь Орину для служенія у господъ. Вѣсть была убійственная: «такъ вотъ какъ награждается исправность твоя Семень-Простота! Нѣтъ, быть не можетъ! Самъ поѣду къ барамъ — укланяю, упрошу, выплачу!»

Сказано — сдѣлано: поѣхалъ, — только проку вышло мало, еще ругань хорошая досталась; какъ молю смѣлъ ослушаться барской воли — не представилъ дочери немедленно. Особенно барыня напустилась: «ахъ,

вы холопы-неслухи проклятые! кричить: что ты себѣ въ голову забралъ? Эка лѣзность какая проявилась — смотри пожалуйста — дѣвки жаль на господскій дворъ: ты-бы за счастье считалъ, что твою дуру выбрали!»

Со страхомъ и трепетомъ ждала отца хорошенькая Риша; не съ меньшимъ трепетомъ ждалъ его Припместокъ. Чували они, что не будетъ добра — и стыдъ позабыли: день-деньской Припместокъ въ избѣ у Риши. Мишуха на работѣ, а они и дѣло забыли, все вдвоемъ да вдвоемъ: потеряла Риша дѣвичью честь, словно рехнулся степенный Капитонъ. Подняли-бы ихъ злые языки, попались-бы они на острые зубы, кабы не горе ихъ горемычное: не поднимались острые зубы, не ворочались злые языки!

Какъ чували, — такъ и сбылось.

«Ну, дочушка моя милая, собирайся на чужую сторонушку, прощайся съ отцомъ-старикомъ! Пришлось мнѣ на старости хоронить живое мое дѣтище!» сказалъ Семень, возвратясь изъ города, обнялся съ дочерью, — и долго-долго рыдали они. А Припместокъ, подслушавъ все у окошка, отскочилъ какъ шальной, побѣжалъ, да побѣжалъ и остановился, только добѣжавши до кабачка, верстахъ въ пяти отъ Почки.

Господа рѣшили черезъ три дня прислать за Ришей изъ города человѣка, а ей приказали къ тому времени приготовиться. Началась суета въ избѣ Семена, и если-бы вы спросили: «что, молъ, за суета у Простоты», — вамъ отвѣтили бы: «похороны!»

3.

Былъ понедѣльникъ — день, какъ извѣстно, тяжелый.

Рано поднялись въ избѣ Семена. Кромѣ знакомыхъ читателю членовъ его семьи, въ избѣ появилось новое лицо — какая-то хлопотунья баба, съ морщинистымъ лицомъ, испещренная шадринами и съ вѣчно движущимися, словно что-то шепчущими, губами. Семень нанялъ ее казачкой, работницей, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, дѣвка, которую собираются хоронить, т. е. отправлять на барскій дворъ, передъ отъѣздомъ освобождается отъ всякихъ трудовъ, а во-вторыхъ, съ отъѣздомъ Рипи, у Семена не оставалось въ домѣ ни одной работницы, и для домашняго обихода необходимо ужъ надо было или сына женить, или батрачку нанять. Шадровитая баба неутомимо хлопотала около печи, наполненной пирогами и другими изготавленіями, словно въ праздникъ, причемъ губы ея особенно торопливо шевелились. Вообще въ избѣ царствовало молчаніе: Риша сидѣла у окна, облокотившись на руку, а Простота самъ накрывалъ столъ чистою скатертью.

— Ну, что у тебя, Авдотьюшка, пироги-то засидѣлись въ печи, у насъ животы подвело....

Въ избу вошелъ Мишуха.

— Лошадь готова, бачка!

— Ну, ладно... давай-же, давай ты, старая, пироги-то... покушай Риша, покушай голубушка, да и съ Богомъ: простись, горемычная, съ родимыми могилами, можетъ и бывать не придется!

Шадровитая баба устала пирогами, и семья усѣлась кругомъ, — въ переднемъ углу сѣла Риша, а по бокамъ ея отецъ съ братомъ; сѣла на крайчикъ и Авдотья, пошевеливая губами.

«Ты знаешь-ли, голубушка моя, свои-то могилки?» спросилъ Семень, заламывая объемистый пирогъ съ сельдами: — у самой ограды-то, на сторонкѣ, — поодаль-то бабушка, покойница мать моя, — дѣдъ-то

на чужой сторонѣ померъ, того нѣтъ, съ судамъ въ лямкѣ ходилъ... На право-то первая мать, Матрена голубушка, — царство ей небесное! — (Семень перекрестился и вскинулъ глаза на иконы), — а тутъ въ боку — родители ея: такія старыя могилы, и крестовъ-то ужъ нѣтъ, — говорилъ тебѣ, Мишуха, поставь кресты».

— Вотъ поослабонюсь, поставлю безпремѣнно, бачка...

— Налѣво — отъ бабушки-то братъ Акимъ, что покойникомъ бариномъ засѣченъ, — у... лихой былъ баринъ! — коли осерчалъ, — нѣтъ у него мѣры, а на добро тоже ужъ торовать былъ, только угодить умѣй... Подлѣ брата — дѣтушки, малолѣтки — ангелы божіи. Изъ шести человѣкъ только двое сохранилъ Господь, да и тутъ одну отнимаетъ... Эхъ, кабы живы были Анна и Василиса — пусть-бы любую брали, а то вѣдь одна!... Да нѣтъ, и то-бы жаль было, и то-бы сердце поболѣло... А то вѣдь одна, одна!

Старикъ утеръ кулакомъ слезы, проступившія на морщинистыя щеки.

— Ну, съ Богомъ, Риша, поклонись усопшимъ, простись съ ними, моя ясочка... Подавай, Мишуха, подавай бурку-то!»

И вотъ Риша, нарядная, въ красномъ ситцевомъ платьѣ, въ шолковомъ платкѣ, но грустная, плачущая, садится въ телегу, рядомъ съ Мишухой. Семень провожаетъ ее; сосѣдки и сосѣди, возвратившіеся съ работы къ обѣду, высыпали на улицу: «Вишь, говорятъ, Семенова Орина на простины съ могилами поѣхала! Вишь какъ убивается, голубушка! Ужъ какъ жаль дѣвки-то! Какая пригожая да просужая была! Какъ останется Припместокъ-то сердечный — экой безталанный какой!»

Мишуха хлестнулъ бурку, и телега покатила по извилистому проселку, подымая облака пыли.

— Вотъ и Микола! сказалъ Мишуха, снимая шапку и крестясь, при видѣ маленькой церкви, выстроенной на пригоркѣ, съ сіяющимъ крестомъ.

Риша вышла изъ телеги и побрела на погостъ, окруженный старенькой деревянной оградой. Не было тутъ ни мраморныхъ, ни кирпичныхъ изящныхъ или массивныхъ памятниковъ, не было плитъ, гласящихъ, что въ сей могилѣ покоится прахъ такого-то боярина, не было кедровъ, долженствующихъ замѣнять вѣковѣчные памятники, не было благоуханныхъ цвѣтовъ, посаженныхъ на могилѣ заботливою, нѣжною рукою: дерновыя могилы покрывали бѣдный погостъ неправильными рядами, только индѣ торчали надъ ними деревянные, не крашеные кресты, да сами собой цвѣли кустики дикаго колокольчика, кашки, звѣздочника и клевера. Никогда ни одинъ бояринъ не посѣщалъ бѣднаго погоста, и никогда боярскіе торжественные похороны не смущали, не нарушали мирнаго покоя сельскаго кладбища — послѣдняго и конечно самаго лучшаго пріюта крѣпостныхъ труженниковъ...

Безъ большаго труда отыскала Риша могилы своихъ родственниковъ: по обычаю Почки, она должна была одна прощаться съ родными могилами.

Вотъ они, пригорки, скрывшіе честныхъ и терпѣливыхъ людей подъ своимъ зеленѣющимъ дерномъ: вотъ могила матери, — къ ней-то прежде всего припала Риша головой, сперва тихо заплакала, потомъ слышались глухія, сдерживаемыя рыданія и всхлипыванія, съ минуты на минуту усиливаясь, наконецъ жесткія, тоскливыя, заунывныя причитанья огласили тихій погостъ и достигли до ушей Мишухи, который поставивъ подъ навѣсъ бурку, рассказывалъ погостинскимъ пріятелямъ о причинѣ своего пріѣзда....

— Вишь какъ взвыла, голубушка, сказалъ какой-то

сердобольный мужичекъ, когда раздался голосъ Риши,—надорвется, право слово—надорвется!—и бесѣда призатихла....

Чѣмъ больше рыдала и причитала Риша, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ упорнѣе рыданія приступали къ сердцу, тѣмъ неистощимѣе становился приливъ причитаній. Она съ каждой минутой болѣе раздражалась, сердце все безпокойнѣе ныло: ей овладѣвалъ какой-то азартный припадокъ, какое-то нервное изступленіе....

Погостинскія бабы безчувственную, утомленную Ришу оттащили отъ могилъ и успокоили, какъ могли.

Возвратясь домой уже къ вечеру, Риша какъ-то смутно сознавала, что дѣлается вокругъ нея.... Такъ прошелъ и другой день: простины съ могилами слѣдовало повторять три раза. На третій день, наканунѣ отъѣзда, Авдотья хлопотала еще усерднѣе, готовляя огромное количество пироговъ, а изба Простоты была биткомъ набита женщинами: на этотъ разъ Ришу провожали до погоста всѣ бабы и дѣвки Почки. Ришу было трудно признать: такъ она похудѣла, измучилась, истомилась въ два дня: щеки впали, глаза посоловѣли, даже голосъ охрипъ....

Мы не послѣдуемъ за этимъ печальнымъ шествіемъ бѣдной дѣвушки на погостъ, а дождемся ея у околицы.... На этотъ разъ простины короче: вотъ показалась по проселку пестрая вереница; впереди идетъ Риша, за ней всѣ почкинскія дѣвки и бабы. У околицы молодая осина привѣтствуетъ возвращающихся своимъ шелестомъ: Риша остановилась и заломала верхушку осины:

«Заломаю я осинку, заломаю,
Чтобы помнили меня подруженьки,
Не забыли меня горемычную».

Идутъ вдоль по улицѣ.... Вотъ рябина, усыпанная цвѣ-

томъ, распространила свой разящій, тяжелый запахъ. Риша остановилась и заломала верхушку рябины:

«Заломая я рябинку, заломая,
Чтобы помнили меня подруженьки,
Не забыли меня горемычную....

Вотъ еще березка, а тамъ другая: къ каждой подходитъ Риша, заламываетъ вершину и нацѣваетъ свой заунывный причетъ.... А дома отецъ — старикъ ждетъ, пригорюнился, призадумался: ужъ и слезъ у Семена не стало, — только бороду кусаетъ да кряхтитъ — на спину жалуется.

Возвратилась Риша, припала головой на грудь отца, а подружки не даютъ ей покою: «полно убиваться-то, Риша! а — Риша! пойдемъ! гостей надо звать!»

— Иди, голубушка, иди! что пусто убиваться! — говоритъ и Семень, неохотно разводя ей руки.

Идетъ Риша по сосѣдямъ: подружки закрыли ей голову платкомъ и гурьбой провожаютъ горемычную; сзываетъ Риша всѣхъ сосѣдей, т. е. всю Почку «на горькую свадебку, на слезливый дѣвишничекъ».

4.

Вотъ, при закатѣ яснаго солнушка, началась и «горькая свадебка, слезливый дѣвишничекъ».

На «горькую свадебку» собралось все населеніе Почки, отъ мала до велика, хотя была среда — день рабочій, не гулящій.

Въ переднемъ углу, какъ и подобаетъ, сидѣлъ барскій посланный, кучеръ Игнатій, также уроженецъ Почки, коренастый, рыжеватый мужикъ, пожилыхъ лѣтъ, удалая голова и большой балясникъ. Около Игнатя размѣстились всѣ почетныя личности дерев-

ни. Передъ ними былъ накрытъ столъ съ приличнымъ количествомъ пироговъ, графинами и рюмками.

Остальная часть избы была занята молодыми бабами и дѣвками, среди которыхъ, у окна, сидѣла Риша.

Между-тѣмъ какъ Семень забылъ свое горе, подчуя гостей виномъ и пивомъ, а особенно барскаго посланнаго, всѣ женщины жалобнымъ голосомъ пѣли или вѣрнѣе причитали: онѣ то изъясляли кручинное сожалѣніе о вольной пташечкѣ, обреченной на неволю лютую, на вѣчное плаканье, то утѣшали ее, что-моль стерпится—слюбится, родной домъ позабудется, свыкнется пташечка съ клѣточкой, сживется съ боярскимъ норовомъ, съ господскимъ поведеніемъ. Заунывный похоронный напѣвъ причитаній, не рѣдко сопровождаемый судорожными рыданьями Риши и тихимъ плачемъ иныхъ изъ ея подругъ, нисколько не мѣшало старикамъ, занявшимъ передній уголъ, весьма исправно угощаться виномъ и пивомъ.

— Кушай, голубчикъ, Игнатій Васильичъ, кушай на здоровье! подчивалъ Семень боярскаго посланнаго.

— Спасибо, Семенушка, небось—мимо рта не пронесемъ!... Ужъ на что ты—простота, а себя не забудешь—отозвался Игнатій, глотая вино: ну, голосиста ужъ у тебя дочь, голосиста!

— Эхъ, родной, горе голосить, горе.... Жила, напасты такой не чаяла.... На господскомъ дворѣ не то житье, что дома въ деревнѣ; близь господъ—близъ смерти—извѣстное дѣло. Она-же у насъ дѣвка дикая, боязная, почестъ нигдѣ, дальше погоста, не бывала—ну и убивается.

— Пустое все, какъ есть пустое: вѣрь ты мнѣ, кумъ Семень, не дѣлача убиваться.... Знамое дѣло—на барскомъ дворѣ житье иное, да какъ привыкнешь къ нему, такъ чѣмъ не житье.... Пуще всего сноровку надо приобрѣсти: совѣсть тамъ лишнюю и робость эту

деревенскую всторону отложить.... Вотъ я, примѣрно, какой былъ мужикъ — вахлякъ: поступилъ въ кучера, ну, думаю, не жизнь, а каторга. Однако обжился—и выходить ничего, ладно: и деньгу зашибешь, барскаго добра ужъ конечно не бережемъ, и чайку и винца за частую выпиваешь. Оно, правда, иногда и достается: то поругаютъ, то въ рождество заѣдутъ, а то и пачпортъ въ части пропишутъ, да оно привычное дѣло, мало и вниманья обращаешь....

Всѣ почтенныя личности заслушались разглагольствованій Игнатія, который вдругъ всталъ съ мѣста и пошатываясь подошелъ къ Ришѣ.

— Не кручинься, дѣвкѣ, сказалъ онъ, хлопая Ришу по плечу,—говорю не кручинься: коли намъ жить во дворѣ можно, такъ дѣвкѣ и подавно, извѣстное дѣло, женскому полу вездѣ предпочтеніе отдается.... Вѣшь, какая красавица,—у насъ такихъ-то любятъ, со всѣхъ сторонъ подлипалы всякаго калибра найдутся, и баре, и лакеи, и нашъ братъ кучеръ маху не дастъ.... Не кручинься, говорю: какъ разъ входъ пустимъ, жалѣть не будешь, вспомнишь—сама разсмѣешься, право слово разсмѣешься: дура-ста была, деревенщина!

— Не ладно такъ-то, Игнатій Васильичъ: наши дѣвушки честныя, эвтимъ ты ихъ не утѣшишь, не къ тому онѣ дома привыкаютъ!

— Ладно, Семень-Простота, ладно.... Извѣстно, ваше дѣло деревенское, глупое, а по нашему ладно.... Отстаньте, дѣвки, вы, выть-то отстаньте.... Что у васъ за пѣсни такія дурацкія? вы-бы повеселѣе что-нибудь....

«Разприкрасная дивчонка,
Всей душой тебя люблю»....

Не смотря на то, дѣвки продолжали выть до-тѣхъ-поръ, пока Риша не вынесла изъ-за перегородки ку-

чу бумажныхъ платковъ, назначенныхъ для подарковъ каждому гостю, а въ томъ числѣ самый лучший—Игнатію Васильевичу.

Риша обходила гостей поочередно, сопровождаемая Семеномъ, который несъ рюмку и вино, низко кланялась каждому и подносила подарокъ; а Семень, подчуя виномъ, приговаривалъ: «просимъ не побрезговать и лихомъ не вспоминать»!

Затѣмъ въ избѣ стихло.

Риша сѣла на свое старое мѣсто, среди подругъ, и ея заунывный, прерываемый судорожными рыданьями, напѣвъ, былъ заключеніемъ «горькой свадебки, слезливаго дѣвишничка»:

«Вы послушайте, подруженьки!
Во дворѣ-то у боярыни
Надо жить-то умѣючи,
Говорить разумѣючи,
Что спросясь идти на улицу,
Доложась взглянуть въ окошечко;
Надо скокъ бѣла заюшка,
Поворотъ горнастаюшка:
Что слова-то надо умныя,
Разговоры все разумные».

5.

Утромъ начались сборы, печенье пироговъ, укладыванье платья и тому подобное. Отъѣздъ предполагался въ полдень. Все время Риша была окружена подругами и родней, и едва-ли имѣла часъ свободнаго времени, которымъ могла располагать по собственному усмотрѣнію, который не отдавался на жертву обычной обрядности, еще не потерявшей въ Почкѣ своего смысла и своей силы.

Этотъ часъ безраздѣльно посвященъ былъ отцу: они сидѣли рядомъ, Семень смотрѣлъ на дочь, словно

хотѣлъ на вѣкъ засмотрѣться на нее, гладилъ по головѣ, а она, потупивъ глаза, мяла въ рукахъ кончикъ платка.

— Пріѣзжай-же, батюшка! говорила она.

— Пріѣду, ласточка моя, пріѣду.... Ты въ-самомъ-дѣлѣ не больно тоскуй — можетъ тамъ и лучше будетъ, — не тоскуй, Богу молись больше, да меня, отца — старика, не забывай....

— Какъ-же, батюшка, кто у васъ безъ меня обряжаться-то будетъ? неожиданно спросила Риша.

— Пока вотъ Авдотья, а тамъ Мишутку женить будемъ, — молодая невѣстка будетъ хозяйничать.

Но вотъ кучеръ Игнатій входитъ въ избу съ извѣстіемъ, что пора ѣхать: подружки и родня, къ которой причисляются и сосѣди, нахлынули для проводовъ.

Столъ опять полонъ пирогами, но никто не уничтожаетъ ихъ съ достодолжнымъ аппетитомъ, кромѣ Игнатья, который исправно выпиваетъ и не менѣе исправно закусываетъ.

Настала тяжелая минута прощанья. Прежде всего — дань обычаю. Риша беретъ ножикъ и дѣлаетъ на окнѣ зарубку, причитая:

«Ты желанный мой батюшка,
Ты подай мнѣ острый ножичекъ,
Зарублю тебѣ зарубочку,
Вѣрно сдѣлаю примѣточку.
Вспоминай меня ты, батюшка,
По утру всегда ранешенько,
Въ вечеру всегда позднешенько!»

Отъ перваго окна Риша переходитъ къ другому и дѣлаетъ зарубку Мишухѣ съ тѣмъ-же причитаньемъ. Здѣсь обрядность кончена. Нѣтъ словъ передать прощанье Риши съ отцомъ: ее насильно отрываютъ отъ Семена и безчувственную усаживаютъ въ телегу.

И катится крѣпкая телега по извилистому проселку, то полемъ, гдѣ пахнетъ житомъ и травой, то перелѣскомъ, гдѣ пахнетъ березовымъ листомъ и смолой, и безсознательно смотритъ Риша на бѣлый вольный свѣтъ, мало замѣчая, что дѣлается въ немъ. Не замѣтила она, какъ тонкія, словно волокна, облака занесли чистое небо, какъ хлеснулъ крупный «грибовый» дождикъ, какъ дунулъ свѣжій вечерній вѣтерокъ, міръ божій окутался полумракомъ и полная луна глянула въ очи Риши: она испугалась и зажмурилась глазами. И снилась Ришѣ ея тяжелая будущая жизнь, снился плачущій отецъ и пьяный Приплестокъ: послѣдній показался ей особенно страннымъ, потому что подчивалъ ее виномъ и говорилъ ей: «пей, дура, или я тебя убью!» Риша отказывалась,—онъ замахнулся, она хотѣла оттолкнуть его—и проснулась: дорога шла по высокой горѣ, и внизу, какъ на блюдечкѣ, при блескѣ восходящаго солнца, открылась разнообразная, пестрая перспектива губернскаго города....

6.

Сначала Семень часто навѣщалъ свою дочку, но она такъ мѣнялась съ года на годъ, пріобрѣтая замашки «горничной», что отбила у старика охоту трясти свои старыя кости. Когда онъ умеръ, Риша выпросилась у господъ на побывку въ Почку. Съ большимъ почетомъ встрѣтили ее благонравные жители Почки, чествуя и ублажая барскую горничную, но ей скоро наскучило жить въ деревнѣ, и воспоминанія дѣтства и первой юности только на минуту пробудили въ душѣ ея какое-то смутное, не то скорбное, не то тревожное чувство, при видѣ родной избы, никольскаго кладбища и солиднаго, бородатаго мужика, ко-

торый все еще назывался Приплеткомъ. Въ городѣ, въ лакейской кампаніи, выпивъ рюмку другую водки на краденныя барскія деньги, она беззастѣнчиво изощряла лакейское остроуміе надъ родимой деревней. Это была ужъ другая Риша, потому-что первую схоронили на «горькой свадебкѣ, на слезливомъ дѣвишничкѣ».

II.

ВОЕВОДА.

...Монахъ говорилъ, словно по писаному читалъ, такъ-что мнѣ не безъ основанія сдавалось, что все говоренное имъ было выучено, а вовсе не представляло живой устной, импровизированной рѣчи. Жалѣю, что не удалось мнѣ въ другой разъ выслушать его разсказа. Очень можетъ быть и то, что безпрестанно разсказывая тоже самое, онъ далъ невольно своему разсказу извѣстную форму, которая заучилась сама собой и совершенно омертвѣла... Говорилъ онъ:

«И бѣ посланъ во Насонъ-градъ воевода, вельми добродѣтеленъ, и душою не лукавою и кротостію, яко голубь, и смиренъ сердцемъ, яко агнецъ. Наѣхалъ онъ во градъ не вѣдомо, не слышимо, словно ангелъ господень слетѣлъ. И было это истинною благодатью для немоствующихъ горожанъ въ тѣ вѣки, обуреваемые жестокими гонителями и всякими злобствовавшими людьми; до сего было—правители, и градоначальники, и тіуны, и волостели, и дьяки думные, и подьячіе, яко волцы кровожадные, тѣснили и обрывали людъ православный, пируя и веселяся, пропивая городъ. Правды на судѣхъ не было, воеводы ничего не видѣли, ничего не слышали, ничего не вѣдали, а всѣмъ заправлялъ, какъ душѣ хотѣлось, съ приписью подья-

чій; на правѣхъ міръ—народъ, и горожанъ, и людей гостинныхъ и крестьянецъ мучили нещадно, и безъ рубашекъ сажали подъ-поль и вверхъ ногами вѣшали, и правили они не токмо-что подыти и поборы царскіе и земскіе, а имали кормы и деньги про свой обиходъ—и пиво, и уксусъ, и капусту, и муку, и всякую всячину, что и поименовать нельзя. Хорошо и вольно жить было едино-единственно богатымъ и буйнымъ дворянемъ, они-же злобствовали и ругались не то, что надъ рабы свои, такъ и надъ честными горожанами, заединщина была у нихъ съ воедами крѣпкая. Было лѣтъ тому девяносто назадъ, въ царствованіе матушки-Екатерины. Въ то-ли время дворяны наши были безокойнаго и буйнаго нрава: дракамъ, наглостямъ, грабежамъ, насилію и безобразному пьянству мѣры не вѣдали; другъ друга обижали, помѣстья одинъ у другаго силою отымали, и суда и расправы на нихъ не было—кто богаче да подъячему больше угодить съумѣлъ, тотъ и правъ; про сиротъ—малолѣтковъ и говорить нечего—родится богатъ, да вырастетъ бѣднякомъ. Воевода потатчикъ былъ: простаго народа и горожанъ, а пуще бѣдныхъ не жаловалъ, защиты просить у него и на мысляхъ ни у кого не было—дѣло бы не велико, да воевода крутъ—свилъ мочальный кнутъ...

...Вотъ и наѣхалъ благодушный старецъ, а прозвище оному старцу было Гороховъ. Наѣхалъ и прекратилось воеводское пьянство, и стали въ судѣхъ и въ канцеляріи воеводской порядки учреждаться, и началось разбоевъ и безчинствъ прекращеніе. Не взлюбилось зѣло все это дворянамъ, и зашипѣли они промежъ собой велимъ гласомъ: «это, молъ, не воевода—не здобровать ему, гостю незваному, не жить воронѣ между ясными соколами!» Много обидъ честному старцу они дѣлали, да все въ прокъ нешло—молится ста-

рець святому угоднику Николаю, къ народу всякую благостыню творить.

Стали по городу шататься какіе-то люди, да грозиться сожечь городъ Насонъ и воеводу въ немъ; въ Тѣснухѣ, да Числихѣ, да Чертовомъ переулкѣ — проходу не стало честному народа — кого поймають — животы оберутъ, да еще хвалятся, что, молъ, весною будетъ у нихъ большое воровское собранье, и пойдутъ-де они воровать внутри города, что прямо на осадный дворъ.

Воевода нашъ кроткій усмирить ихъ не могъ, — былъ онъ смиренъ и добръ, больше Богу молился. Вотъ настала весна, и пришли во истинну безстыжіе разбойники скопомъ къ осадному двору, и дворника крестьянина съ женою и съ дѣтьми взяли, и у горницы и у подклета замки и пробой высѣкли, и двери, и окна выломали, и до самого честнаго старца руками окаянными добрались... Охъ, грѣхи, грѣхи тяжкіе!.. Молится старецъ, тяжкими вздохами свою рѣчь прерываючи; передъ золоченою иконою лампада теплилась.. Вдругъ ворвались душегубцы, нахлынули... Охъ, грѣхи грѣхи тяжкіе!.. Раздѣли они его и, наругавшись, высѣкли, грѣховодники. Учинивъ такое богомерзкое дѣло, составили дворяны приговоръ: «что-де смѣнили они воеводу Горохова, за неспособностью онаго воеводы къ исправленію должности, а поколику безъ воеводы городъ, что человекъ безъ головы, то избрали изъ среды себя новаго, Резакова, коего и просятъ утвердить на семь мѣстѣ.»

Проходить іюнь, начались жары лѣтніе. И было въ іюлѣ въ городѣ торжество великое, а празновали радостное извѣстіе о заключеніе славнаго вѣчнаго мира съ турецкимъ султаномъ. Праздненство происходило въ трехъ верстахъ отъ города, въ домѣ новоизбраннаго воеводы, въ селѣ Предтеченскомъ. Когда всѣ званые

гости и дворянство съ фамиліями, въѣхавъ въ домъ проспектомъ и въ сдѣланныя проѣздомъ триумфальныя ворота, собрались, то, соображая бытіе славнаго мира въ лагерьъ, въ поставленныхъ лагеремъ-же шатрахъ приготовленъ былъ обѣденный столъ на 99 кувертовъ, а во время стола играла музыка. А какъ пили за здоровье матушки-государыни, да заключенія мира, происходила пушечная пальба до 213 выстрѣловъ. Послѣ столованья увеселялись гости прогулкою по саду. Вечеромъ въ девять часовъ грянули три пушечные выстрѣла и зажглись—загорѣли противъ дома на театрѣ пять щитовъ: на среднемъ-ли изображалось око всевидящее, и подъ окомъ вензель матушки-государыни, а подъ вензелемъ—двѣ руки крѣпко схватились, яко въ знакъ умиренья подобаетъ, и пальмовое дерево окружило ихъ; на боковыхъ-ли щитахъ изображались войска всероссійскія, ихъ побѣды великія и славный миръ—въ лицахъ. Триумфальныя ворота, садъ и передъ шатрами не-малой величины прудъ многимъ числомъ возженныхъ огней освѣщались и тѣмъ пріятный видъ представляли, причемъ многія тысячи собравшагося изъ города и уѣзда народу безотлучными зрителями были, имѣя свободу гулять въ домѣ, въ шатрахъ и въ саду... Такъ-то было торжество великое... И вдругъ, что среди-ли самага торжества, полученъ былъ указъ государыни, въ отвѣтъ на дворянскій приговоръ о воеводѣ. Какъ прочли этотъ указъ, такъ языки и прикусили, такъ и окаменѣли, ибо въ томъ государскомъ указѣ значилось, что, разсмотрѣвъ дѣло самолично, государыня-матушка порѣшила и приказать соизволила: слабаго воеводу Горохова отставить, а съ буйныхъ и дерзкихъ дворянъ, посягнувшихъ обидѣть его, сверхъ строжайшаго царскаго выговора, взыскать безчестья Горохову съ каждаго по годовому его жалованью.

Такъ пированье и кончилось, а какъ новый воевода прикатилъ, и собралъ онъ Горохову безчестья — ни больше, ни меньше—двадцать тысячъ рублей. Съ тѣхъ самыхъ поръ наши дворяны усмирились и передъ властями своими буйными головами преклонились.*

Н. БУНАКОВЪ.

ДВѢ СМЕРТИ

(Думка І. Б. Залескаго)

Годъ они любились — нѣ-вѣкъ разлучились,
И сердца обоихъ въ дребезги разбились...

Дѣвица томится во свѣтлицѣ новой,
А козакъ уложенъ мать-сырой-дубровой.

Дѣвица поникла къ пуху-изголовью,
А козакъ къ жулану, облитому кровью.

Дѣвичьи лекарства — мѣды-вареницы,
А козакъ... хоть каплю-бъ, подали водицы!...

Дѣвицу вся семья съ плачемъ обнимаетъ,
А козакъ... ужъ воронъ каркнулъ и слетаетъ...

Оба отстрадали; грудь сожгло обдимъ,
И заснули оба вѣчнымъ сномъ-покоемъ.